

**«КАКАЯ РЕЧЬ МОЖЕТ ИДТИ ОБ АКЦЕНТЕ,
ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЕТ О СОХРАНЕНИИ ЯЗЫКА?»:
ОТНОШЕНИЕ К НЕПОЛНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ**

Влада Вячеславовна Баранова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
16 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
vbaranova@hse.ru

А н н о т а ц и я : Статья посвящена дискуссиям о неполной компетенции и представлениям об источниках знания калмыцкого языка в среде калмыцких языковых активистов и в сообществе в целом. Недавние инициативы по возрождению языка привели к появлению новых говорящих на миноритарных языках РФ, и особенности их языка часто становятся предметом обсуждения в сообществе. «Традиционные» носители миноритарного как родного могут создавать барьеры для новых говорящих и оценивать их речь как неаутентичную или неправильную. В статье рассматриваются источники знания калмыцкого языка: различные проекты по обучению и изучению миноритарного языка, попытки популяризации идиома и этнической культуры, а также онлайн-группы матерей, сознательно практикующих общение на миноритарном языке со своими детьми. Эти новые формы усвоения языка анализируются в контексте других признаваемых в сообществе форм знания калмыцкого. В задачи статьи входит изучение отношения к языку новых говорящих и представлений о том, каким образом можно выучить калмыцкий. С этой точки зрения среди калмыков существуют двойственные представления: с одной стороны, негативно оценивается акцент новых говорящих и младшего поколения в семье, с другой — разнообразные инициативы активистов вызывают исключительно положительные отклики, в частности позитивно оценивается смешение кодов как часть комического эффекта. В сообществе нет строгого барьера между семейным и несемейным изучением языка, допустимым способом признается изучение языка в школе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ревитализация, языковой сдвиг, онлайн-активизм, новые говорящие, акцент, калмыцкий язык.

Б л а г о д а р н о с т и : Публикация подготовлена в ходе проведения исследования 20-01-073 «Многоязычие и миноритарные языки РФ в контексте языковой политики на микроуровне: языковой активизм онлайн и офлайн» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг.

Д л я с с ы л о к : Баранова В. «Какая речь может идти об акценте, если речь идет о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 11–29.

d o i : 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/baranova.pdf>

**“HOW CAN WE EVEN TALK ABOUT ACCENTS
WHEN IT COMES TO PRESERVING A LANGUAGE?»:
ATTITUDES TOWARDS PARTIAL LINGUISTIC COMPETENCE**

Vlada V. Baranova

National Research University Higher School of Economics
16 Soyuzna Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
vbaranova@hse.ru

Abstract: The paper focuses on discussions of partial linguistic competence and on sources of language knowledge among both Kalmyk language activists and the community of native speakers. Recent revivalist initiatives lead to the emergence of “new speakers” of minority languages whose language command is widely discussed within the community. The native speakers of a minority language may create some barriers for new speakers and evaluate their way of speaking as an inauthentic, “wrong” code. The paper deals with different sources of competence in Kalmyk: projects for teaching and learning Kalmyk, attempts to popularize it and the ethnic culture, and online communities for mothers who make the conscious decision to adopt native language practices with their children. These new sources of non-traditional knowledge are compared with other modes of language acquisition. The paper aims to analyze attitudes to a language by “new speakers”. From this point of view, the Kalmyk-speaking community displays ambiguous attitudes: there are negative attitudes toward the accents of new speakers, as well as toward the linguistic competence of the younger generation in a family. That said, there exist strongly positive evaluations of different activist initiatives, including treating the instances of mixed language as a kind of humor. The data shows that there is no strong demarcation between language acquisition in the family and other ways of learning Kalmyk.

Key words: revitalization, language shift, online activism, “new speakers”, accent, Kalmyk.

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2020–2021 (grant no. 20-01-073).

To cite: Baranova V., “Kakaya rech mozhet idti ob aktsente, esli rech idet o sokhranении yazyka?”: otnoshenie k nepolnoy yazykovoy kompetentsii” [“How Can We Even Talk about Accents When It Comes to Preserving a Language?”: Attitudes towards Partial Linguistic Competence], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 11–29.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/baranova.pdf>

Влада Баранова

«Какая речь может идти об акценте, если речь идет о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции

Статья посвящена дискуссиям о неполной компетенции и представлениям об источниках знания калмыцкого языка в среде калмыцких языковых активистов и в сообществе в целом. Недавние инициативы по возрождению языка привели к появлению новых говорящих на миноритарных языках РФ, и особенности их языка часто становятся предметом обсуждения в сообществе. «Традиционные» носители миноритарного как родного могут создавать барьеры для новых говорящих и оценивать их речь как неаутентичную или неправильную. В статье рассматриваются источники знания калмыцкого языка: различные проекты по обучению и изучению миноритарного языка, попытки популяризации идиома и этнической культуры, а также онлайн-группы матерей, сознательно практикующих общение на миноритарном языке со своими детьми. Эти новые формы усвоения языка анализируются в контексте других признаваемых в сообществе форм знания калмыцкого. В задачи статьи входит изучение отношения к языку новых говорящих и представлений о том, каким образом можно выучить калмыцкий. С этой точки зрения среди калмыков существуют двойственные представления: с одной стороны, негативно оценивается акцент новых говорящих и младшего поколения в семье, с другой — разнообразные инициативы активистов вызывают исключительно положительные отклики, в частности позитивно оценивается смешение кодов как часть комического эффекта. В сообществе нет строгого барьера между семейным и несемейным изучением языка, допустимым способом признается изучение языка в школе.

Ключевые слова: ревитализация, языковой сдвиг, онлайн-активизм, новые говорящие, акцент, калмыцкий язык.

Миноритарный язык онлайн и новые говорящие

Вынесенная в заголовок цитата взята из обсуждения в Instagram отношения к акценту молодых калмыков, выучивших калмыцкий сознательно в относительно взрослом возрасте. При возрождении языка расширяется число носителей и нередко возникают дискуссии о легитимности их языковой компетенции и границах языковой нормы. При языковом сдвиге образуется континуум компетенций, а увеличение коммуникации на миноритарном языке при ревитализации делает особенности речи молодых носителей заметными. В такой ситуации старшее поколение часто негативно оценивает «испорченный», подвергшийся сильной интерференции со стороны доминирующего идиома, или упрощенный язык. Подобный пуризм старших носителей языка может становиться барьером для младших говорящих и препятствовать ревитализации [Dorian 1994]. В российском контексте языковая компетенция младшего поколения также вызывает дискуссии среди носителей миноритарных

Влада Вячеславовна Баранова

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики» /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
vbaranova@hse.ru

языков. Для сохранения и ревитализации языков актуален вопрос о том, насколько неполнота компетенции препятствует включению в число полноценных участников языкового сообщества.

Группу носителей, возникающую в процессе ревитализации при «неестественной» языковой трансмиссии, называют *новыми говорящими* (*new speakers*). Для них характерно усвоение языка не дома, в семье, а в процессе получения образования или другими формальными и неформальными способами [O'Rourke et al. 2015; O'Rourke, Nandi 2019]. Важный параметр — определенный уровень владения языком и его активное использование [McLeod, O'Rourke 2015: 154], хотя некоторые авторы включают в число новых говорящих и тех, кто только начал изучать язык и еще не говорит на нем свободно [Smith-Christmas et al. 2018: 4]. Обычно существует связь выученного идиома с «происхождением» нового говорящего, однако такой привязки может и не быть. В исследованиях индивидуального билингвизма близкий круг явлений принято описывать как *эритажный язык* (*heritage language*), т.е. фокус делается именно на связи носителя с языком, «унаследованным» от кого-то из родителей. Эритажные говорящие не развивают компетенцию, «близкую к носителям языка во всех грамматических областях» [Benmamoun et al. 2013: 171], хотя свободно общаются на этом языке. Разумеется, существует множество разных случаев, но достаточно часто во взрослом возрасте эритажные носители стремятся расширить свои возможности, например научиться читать и писать на семейном языке.

Приведенное в заглавии статьи высказывание апеллирует к необходимости сохранения языка и появилось в комментариях к обсуждению калмыцкого языкового клуба. В последние годы для многих миноритарных идиомов отмечается всплеск языкового активизма (например, баскского [Urla 2012], майя [Cru 2015]), в том числе в российском контексте [Алексеев 2019; Харитонов 2019; Alòs i Font 2019]. Инициативы активистов направлены на возрождение или поддержку миноритарных языков, помощь в изучении исчезающих языков для желающих, обычно из числа молодых людей, не (полностью) владеющих «родным» языком. В результате среди носителей языка оказываются люди, выучившие миноритарный язык не в семье. Как в сообществе оценивают новые пути изучения и разные источники знания языка?

Еще одно важное свойство этого высказывания — то, что оно появилось в интернете. Онлайн-форумы стали новыми площадками для обсуждения вопросов идентичности и сохранения языка. Ревитализация миноритарных языков РФ стала более

масштабным явлением и одновременно оказалась заметна прежде всего с широким распространением доступа к интернету в российских регионах и переходу к технологиям Web 2.0, предполагающим создание контента самими участниками (см. недавние публикации о разных регионах: [Gladkova 2015; Pischlöger 2016; Хилханова 2019]). Это не значит, что активизм существует только в виртуальном пространстве, но распространение интернета безусловно расширило аудиторию и привело к взаимодействию между собой разных проектов по возрождению миноритарных языков.

Статья посвящена дискуссиям о языке в контексте проектов ревитализации: терпимости к неполной компетенции и источникам знания калмыцкого языка. Не останавливаясь здесь подробнее на собственно лингвистических свойствах текстов новых говорящих, я постараюсь показать отношение к этой речи среди самих новых говорящих и других членов сообщества¹. Для понимания того, какой язык считается соответствующим норме, какие способы усвоения языка признаются приемлемыми, как соотносятся разные источники компетенции новых говорящих, будут рассмотрены основные способы изучения калмыцкого во взрослом возрасте.

Ограниченный формат статьи не позволяет описать контекст языковой ситуации в Калмыкии. Языковой сдвиг на доминирующий русский начался с депортации калмыков, и в настоящее время ситуацию можно охарактеризовать как постепенный языковой сдвиг и двуязычие с доминирующим русским [Baranova 2009]. Город считается преимущественно русскоязычным, тогда как в сельских районах принята двуязычная коммуникация и переключение кодов в устной речи [Баранова 2015]. В то же время в последние десятилетия увеличивается популярность калмыцкого, в том числе среди младшего поколения и городских жителей. Часть из них учит калмыцкий в рамках проектов ревитализации языка, которые рассматриваются в статье.

Статья основана на следующих данных:

— различные интернет-материалы: видеоуроки калмыцкого языка и комментарии к ним, а также каналы на платформах ВКонтакте, Instagram, YouTube (за 2019–2020 гг. в качестве подписчика с полным просмотром истории группы или канала в ряде случаев);

¹ Ответ на вопрос о том, насколько фонетически и грамматически речь новых говорящих отличается от речи старшего поколения или сверстников, выучивших язык в семье, представляет собой отдельную задачу. Само по себе активное использование языка не полностью компетентными носителями так или иначе приводит к тому, что идиом меняется.

— интервью с участниками проектов и другими носителями, в том числе экспертами — преподавателями калмыцкого языка.

Хотя общее число проектов не так велико, оно шире, чем позволяют включить рамки статьи, поэтому представления о языке, произношении и легитимном источнике калмыцкого языка среди новых говорящих будут рассмотрены на примере трех кейсов: 1) курсов калмыцкого языка для взрослых в Элисте и языкового клуба в Элисте и Москве; 2) фильма и инстаграм-канала #zametki_mandzhika, а также комментариев подписчиков и 3) родительского онлайн-клуба¹. Для изучения всех трех выбранных проектов использовались анализ интервью и онлайн-этнография (наблюдение). В последнем разделе я остановлюсь на отношении к неполной компетенции по данным интервью и наблюдений во время полевой работы в 2006–2008 и 2014–2019 гг. в Кетченеровском районе и Элисте, а также по материалам Н.М. Стойновой из Ики-Бурульского района Калмыкии (2018).

Уроки калмыцкого языка для взрослых и языковой клуб

Уроки калмыцкого языка для взрослых в Элисте существуют уже достаточно длительное время, около десяти лет. Это бесплатные занятия, в отличие, например, от коммерческих курсов калмыцкого по коммуникативной методике, организованных одним актером в Элисте в начале-середине 2000 г. (ПМА, интервью с организатором, осень 2007 г.). Организатором выступает не образовательный, а религиозный центр: хурул² предоставляет помещение для занятий группы. Несколько лет один из монахов принимал активное участие в работе курсов и вел блок «Основы буддизма» (2015–2017), религиозная благотворительная организация с 2016 г. предоставляла для участников летних курсов до 30 лет призы, в том числе автомобиль, что привлекло большое внимание к проекту в СМИ и соцсетях. Курсы обычно проходят два-три раза в год: осенью и весной для всех желающих и летом — для молодых участников. Кроме вводного курса калмыцкого, который с 2010 г. ведет один и тот же преподаватель из Калмыцкого государственного университета, в разные годы включались блоки других преподавателей по традиционному письму «Тодо бичиг» или буддийской культуре.

¹ Онлайн-коммуникация является смешанным публично-приватным общением [Kozinets 2010: 71], поэтому фильм, клипы и каналы организаций или проектов я оценивала как заведомо публичный контент, а индивидуальные блоги и комментаторов в дискуссиях анонимизировала.

² Буддийский храм, то же что «дацан». В данном случае это центральный, или «новый» (построен в 2005 г.), хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни», служащий не только религиозным, но и культурным, просветительским и организационным центром, местом проведения лекций и встреч.

На занятия приходят как молодые люди, так и старшее поколение, в том числе пенсионеры, у которых появилось свободное время и желание выучить или вспомнить язык. Лексический запас и пассивная компетенция у большинства участников достаточно хорошие, но знание грамматики и способность говорить недостаточные. При этом людей ограничивает не только незнание грамматики, но и существующее в сообществе пренебрежительное отношение к «плохому калмыцкому».

Человек даже первый раз придет — все равно он даже два месяца может молчать. Выдавливаешь из него: «Давай читай, давай что-нибудь скажи, на вопрос ответь», — он молчит. Потому что боится не так произнести, потому что он стесняется, что сосед услышит — будет смеяться. Поэтому же у нас вот эта проблема, то, что население боится говорить, потому что думает, что он неправильно скажет — попадет в неловкую ситуацию (м., 1974 г.р., преподаватель курсов).

Другая похожая инициатива — калмыцкий языковой клуб — существует в Элисте, Москве, Санкт-Петербурге и теоретически может распространяться на другие регионы, где найдется достаточное число заинтересованных участников, немного говорящих на калмыцком. Московский клуб, объединенный участниками движения «Сээхн келн» («Красивый язык»), появился в 2013 г., у его истоков стояли элистинские языковые активисты, переехавшие или часто приезжавшие в Москву. Эти встречи включали бесплатный разговорный клуб (сначала в кафе с калмыцкой и монгольской кухней, затем в представительстве Республики Калмыкия в Москве) и платные занятия для детей. В основном участники — молодые взрослые и студенты.

Насколько курсы признаются легитимным источником знания «правильного» калмыцкого языка? Как отмечает преподаватель, курсы дают только первые знания: «Естественно, я сразу предупреждаю: два месяца я просто даю вам план. Развернутый, подробный, что вот это так, это так, без этого окончания вы не сможете словосочетание составить» (м., 1974 г.р., преподаватель курсов). При этом знания самого преподавателя и учебные пособия оцениваются участниками как нормативные, предполагается, что все слушатели будут ориентироваться именно на этот вариант языка. В языковом клубе требования к уровню компетенции участников и ведущих, в отличие от курсов с преподавателем-калмыковедом, были сравнительно скромными: «Те, кто более-менее знал язык, пытались учить тех, кто вообще не говорит» [Terbish, Churyumova 2018: 2:28–2:34].

В то же время участие в языковом клубе часто дает толчок к расширению числа собеседников на калмыцком, в том числе из старшего поколения. Например, одна из участниц в сториз

инстаграм-канала о языке пересылает скриншот переписки с мамой с комментарием: «Заново учу калмыцкий, стараюсь с мамой говорить. Ошибок много, но если их бояться — никогда не получишь результат». Фрагмент переписки как раз показывает момент ошибки и реакцию на нее.

Мать: *Сян сян. Залучнь ирвү?* [Хорошо, хорошо. (Твой) муж пришел?]

Дочь: *Уга, кодлмиян кеджяня* [Нет, работу работает]

Мать: *кежэна, без буквы д* [ра-бо-та-ет, без буквы «д»]

Дочь: *Хальме раскладк уга* [Калмыцкой раскладки нет]

Показательно, что исправление и метаязыковой комментарий вызывают переключение на русский со стороны матери и объяснение со стороны дочери, что это техническая ошибка, а не неправильное написание, отражающее ошибочное произнесение.

Именно из обсуждения участников языкового клуба и фонда «Сээхн келн» взята цитата в заглавии. Вопросы произношения и отношения к языку молодых довольно часто становятся там предметом обсуждения и вызывают достаточно эмоциональные комментарии. Внимание привлекает именно произношение (или отражающее его написание слов):

Естественно, что большинство людей, самостоятельно изучающих калмыцкий, произносят слова с русским акцентом (Instagram, канал syaahn_keln, 26.04.2020);

Давайте будем мягко и вежливо помогать улучшить свое произношение людям, пытающимся выучить родной язык! (Instagram, от лица организаторов канала syaahn_keln, 27.04.2020);

Старшее поколение, конечно, иногда сильно критикует и за ошибки, и за акцент, но и молодое поколение часто чересчур обижается на исправления. Нужно взаимопонимание обеих сторон (Instagram, воспроизведение мнения одного из участников в сториз на канале syaahn_keln, 28.04.2020).

«Заметки Манджика»

Данный проект предполагает популяризацию миноритарного языка через развлекательные проекты: видеоскетчи на канале в Instagram, на основе которых был снят фильм. Один из наиболее популярных блогеров в Калмыкии — автор канала #zametki_mandzhika. Канал начат в июле 2017 г., в мае 2020 г. у него было 28,8 тыс. подписчиков (это довольно много для республики с населением 271 тыс. чел.). В декабре 2019 г. вышел фильм «Записки Манджика. Я калмык» (далее — ЗМ), показанный в кинотеатрах или домах культуры всех крупных поселков

республики и в городах других регионов, куда приезжают калмыки (в Москве, Санкт-Петербурге, Анадыре и т.д.), а также доступный на YouTube.

Ролики (1–3 минуты) юмористически представляют сценки из жизни типичного калмыцкого поселка и его обитателей. Наиболее популярные герои диалогов — молодой парень «Манджик», семейная пара «тетя Валя и дядя Батр», которые ссорятся, сплетничают с соседями или о них, ездят за покупками в город, берут кредиты и т.д. По жанру короткие видео на канале ближе всего к модному в последние годы в России жанру stand-up comedy. Как и другие популярные способы обсуждения важных тем, комедия обращается и к сохранению миноритарных языков и культур (см. анализ популяризации гэльского в Ирландии через stand-up comedy: [Moriarty 2015: 69–78]).

Сценки, нанизанные на единый сюжет, образуют полнометражный фильм ЗМ, в котором снимались как профессиональные актеры, так и любители. Фильм начинается с эпизода из детства главного героя — урока калмыцкого языка в сельской школе.

Учительница: *Манджа! Привстань, пожалуйста. Ну-ка переведи мне слово «красивый».*

Манджик: *Сэхн.*

Учительница: *Угу. Сэхн. Неправильно. Манджиева, пожалуйста.*

Манджиева: *Сээхн.*

Учительница: *Сээхн. Правильно! Там идет удвоенная гласная «ээ», двойная гласная «э», надо протянуть! Э-ээ! Понятно тебе, Манджа? Манджа, переведи мне слово «небо».*

[Манджа произносит неправильно]

Учительница: *Теңэр! Потому что из этих четырех букв одна — наша родная «нг», когда язычок пристраивается к нёбу. Надо произносить свои родные слова калмыцкие правильно! [Показывает, класс хором повторяет правильное произнесение] (ЗМ, 2:23–3:20).*

После уроков учительница заводит с мальчиком серьезный разговор о роли родного языка. Хотя школьник находится в языковой среде (учительница отмечает, что его бабушка и дедушка «всю жизнь говорят на калмыцком языке», ЗМ, 5:15), до этого он не был заинтересован в знании языка и языковая трансмиссия в семье не происходит. Учительница говорит Мандже, что он не калмык, если не говорит на родном языке. Это задевает мальчика, и с криком «я калмык!» он убегает в степь. Затем начинается основная часть фильма — история молодого человека, выучившего калмыцкий и благодарного своей учительнице. Таким образом, начало фильма подчеркивает три важных момента: во-первых, тесную связь языка и этнической идентификации, невозможность быть калмыком без знания языка,

во-вторых, значимость именно звуковой стороны языка и акцента (школьник знает некоторые частотные слова, но произносит их неправильно) и, в-третьих, возможность взаимного дополнения между разными способами выучить язык. Мальчик не осваивает язык в семье, но затем, осознав важность калмыцкого языка для идентичности, выучивает его в школе и активно использует для общения с бабушкой, другими родственниками и односельчанами.

Язык комедийных видео и фильма 3М представляет особый интерес. Все озвученные автором канала персонажи говорят на смешанном русско-калмыцком варианте¹ (в котором есть и переключение кодов, и элементы грамматической интерференции из русского в калмыцкий и из калмыцкого в русский — см. о двуязычной речи калмыков: [Баранова 2015]). Язык служит одним из усиливающих комический эффект элементов, из которых складывается образ «деревенских простаков». Отзывы подписчиков канала и зрителей фильма также подчеркивают этот момент:

«Бёёсярн авхч² что ли» — все так говорят у нас, видать. Умора!!! 😊 (28 апреля 2020).

Влияние проекта на возрождение калмыцкого языка и респондентами, и онлайн-комментаторами из числа подписчиков канала оценивается положительно. Многие отмечают популяризацию культуры и привлечение внимания к исчезновению языка:

Благодаря вам многие начнут учить язык ведь это так прекрасно слушать наш колоритный юмор 😊 😊 😊 (май 2018);

Я балдыр и мне стыдно, что я не знаю калмыцкий, а ты в свою очередь большой молодец что поднимаешь этот вопрос публично 🙌.

Некоторые комментаторы отмечают ошибки в устной или письменной речи автора канала и характеризуют ее как нестандартную:

Дословный перевод ик байрлджанав — большой радуюсь. Это как то по-балдырски (3 декабря 2019).

Балдырами называют потомков смешанных русско-калмыцких браков, однако *балдырский язык* отсылает просто к факту смешанного языка или языка с неполной компетенцией, вне зависимости от происхождения говорящего. Подобные коммен-

¹ Это дополнительно иронически обыгрывается в хештеге #чистопокалмыцки.

² Вшей своих подбери.

тарии встречаются достаточно редко, зато многие отмечают *красоту и чистоту* языка.

Смотрю вас, чтобы послушать родную речь. Так красиво!!!!

Какая речь классная, приятно слушать!!! 🙌👏

чистейшая калмыцкая речь. произношение идеальное не то что у дикторов калмыцкого ТВ

Повторяемость таких комментариев показывает, что эта оценка не случайна среди подписчиков, и, судя по контексту высказываний, это не ирония. Более того, многие подписчики оценивают канал и фильм как прямые *источники для изучения* калмыцкого языка:

Посмотрела фильм и больше фраз выучила, чем на уроке (май 2020);

Неделю вас слушаю, заговорила на родном языке 😊 (апрель 2020).

Эти высказывания согласуются с полевыми наблюдениями: школьница, показавшая мне этот канал летом 2018 г., рассказывала о том, что она теперь чаще говорит на калмыцком и использует выражения из ЗМ.

Таким образом, канал с образцами молодежной речи и комического смешения кодов для некоторых его подписчиков выступает как источник знания калмыцкого и образец калмыцкой речи, которую они могут воспроизвести в собственной практике. Одним из аргументов является *произношение* ведущего канала (действительно, достаточно естественное), тогда как остальные особенности языка — лексические заимствования, переключения кодов, синтаксическая интерференция со сторонами русского — не привлекают внимания.

Учиться языку и учить: молодые родители

Родительское движение — необычайно важная часть ревитализации и практик новых говорящих. Многие из них возвращают модель естественной передачи и сознательно делают миноритарный язык основным или одним из языков общения с детьми. Например, О’Рурк и Нанди рассматривают практики в семьях, воспитывающих детей на галисийском, притом что сами родители не усвоили этот язык дома [O’Rourke, Nandi 2019].

Сходные процессы наблюдаются и среди активистов возрождения миноритарных языков в российском контексте. Активисты и участники разных проектов включаются в воспитание билингвов: для многих из них такая семейная политика становится воплощением их взглядов, когда появляются собственные дети.

Например, одна из организаторов калмыцкого языкового клуба в Москве сейчас рассказывает о том, как она учит говорить свою дочь на калмыцком, с хештегом #хальмгмама. Отличительные свойства подобных инициатив — установка на воспроизведение и вовлечение новых участников. Пользователи объединяют посты с помощью общих хештегов. Участники осведомлены о других похожих онлайн-каналах, например о воспитании двуязычных детей на бурятском или якутском. Многие посты возникают как эстафеты или вызовы, передаваемые от одного пользователя другому (например, снять видео на определенную тему, сопроводив его разговором на миноритарном языке).

Мама маленьких детей рассказывают друг другу, с какими проблемами они сталкиваются при обучении детей на миноритарном языке, обсуждают методики, делятся обучающими материалами — книгами, фильмами и т.д. Важная составляющая проектов — легкость воспроизведения и минимальные условия для того, чтобы быть экспертом: участница, сделавшая карточки со словами или традиционные игрушки для малышей определенного возраста, делится техникой с другими заинтересованными родителями. Уровень калмыцкого у участников разный, некоторые отмечают в интервью, что сами говорили на калмыцком в детстве, а сейчас вспоминают, другие — что впервые узнают те же слова и выражения, которым учат ребенка. Общими оказываются мотивация и готовность попробовать, агентивность участников: «И я подумала: а чего ждать, можно же самой перевести? Моего уровня на это хватает, попробовала, получилось» (ж., Москва, ок. 25, выступление в эфире).

Эти инициативы, как и рассмотренный выше проект ЗМ, нацелены на языковую игру, допускающую смешение кодов: *Хальмг-мама* отсылает к двум языкам, как и название бурятского проекта «Хэлыш, малыш» («Говори, малыш»). В то же время в постах участники обычно используют только один язык, калмыцкий или русский, и при обсуждении того, как надо говорить с детьми, говорят о желании избегать смешения языков и следовании принципу «один взрослый — один язык». Особенности речи связаны не столько с сознательной установкой на смешение языков (как в случае ЗМ), сколько с возможностями говорящих, чья компетенция в миноритарном языке меняется на протяжении участия в проекте.

Ура! В честь Дня Родного языка дарим подарок!

Вместе с дружественным нам бурятским каналом «Хэлыш, малыш» мы подготовили перевод пальчиковой песенки-игры про семью 👨 👩 👧 👦 🤝

«Папа» мы перевели как «баав». «Эцк» — это «отец», а не «папа», более официальное обращение, поэтому для малышей

мы выбрали вариант «баав». Можно также перевести как «баажжа», «аав», «аак» (в торгудском диалекте «аак» это «папа»). <...> «Где?» перевели как «альд?», но можно и как «хама?». При переводе использовали словарь «Би хальмг кел дасчанав» (21 февраля 2020).

Из приведенного поста видно, что авторы пользовались словарем и комментируют выбор даже простых слов, которые могут различаться в разных диалектах или просто иметь разговорные варианты, ставящие в тупик их целевую аудиторию — молодых родителей, чья компетенция в миноритарном языке может быть недостаточна.

Важно отметить, что подобные проекты позволяют практически любым молодым родителям наравне с другими участвовать в проекте и не требуют существенного знания миноритарного языка. Нет ограничений и на источники калмыцкого языка. Слова и конструкции, употребляемые в общении с ребенком, не обязательно должны быть «семейными», но могут быть взяты из словаря, поста в интернете и т.д. Между «несемейными» или «нетрадиционными» источниками знания калмыцкого и использованием языка в семье нет непроходимой границы, и любые элементы, выученные родителями, могут быть включены в коммуникацию с детьми.

Отношение к неполной компетенции и пути усвоения калмыцкого в сообществе

Насколько несемейная языковая трансмиссия, распространенная в среде языковых активистов, признается другими участниками? Как они оценивают язык новых говорящих? Хотя отношение к неполной компетенции не было отдельным предметом изучения в интервью 2006–2008 гг., эта тема неоднократно всплывала во время обсуждения того, говорит ли респондент на калмыцком с младшими членами семьи, детьми и внуками. К сожалению, как это часто бывает во многих случаях языкового сдвига, представители старшего поколения не использовали родной язык в общении с детьми, потому что «они же не понимают по-калмыцки». Часто оценивался, преимущественно негативно, акцент представителей младшего поколения. Как заметила одна моя респондентка, ей неприятно говорить с внуком на родном языке, потому что «он говорит на калмыцком с акцентом, криво-мриво, как ты».

Следует отметить, что требования к внешним участникам, по-видимому, не такие строгие: многие респонденты в течение долгого времени снисходительно и чрезвычайно положительно воспринимали мое «кривое» произношение, и наблюдения за

немногочисленными «русскими», освоившими калмыцкий в поселках, показывают, что отношение к использованию ими калмыцкого обычно позитивное, а требования к их языковой компетенции сравнительно невелики. Например, про русскую учительницу, вышедшую замуж за калмыка, в одном из поселков Кетченеровского района обычно говорили, что она «говорит на калмыцком», хотя наблюдение за коммуникацией в учительской свидетельствовало о том, что на реплики собеседника на калмыцком она обычно отвечала на русском.

В интервью я спрашивала традиционных носителей калмыцкого об их впечатлении от языка героя ЗМ. Респонденты, особенно эксперты в области калмыцкого языка, подчеркивали смешанный характер речи и называли ее *балдырской*.

Р. 1: Ну, у него, говорят, язык не очень хороший. Говорят, он плохо разговаривает. Но он учится.

Р. 2: Балдырский у него больше.

Р. 1: Балдырский, да.

Инт.: Он балдыр?

Р. 1: Нет, зачем. Калмык. <...> Я просто с глубинки сама, с Ш. У нас уже молодежь примерно так разговаривает, на балдырском разговаривает. <...> А вот то, что его акцент, все — прямо точно, в селе, в глубинке так оно и есть, он это хорошо показывает. (Р. 1 — ж., 1980 г.р., калмыковед; Р. 2 — ж., ок. 50, монголовед).

В то же время сами новые способы усвоения калмыцкого не вызывают критику. Более того, границы «традиционного», или «семейного», усвоения языка и новых источников знания достаточно проницаемые. В оценке компетенции младшего поколения допускается возможность выучить язык вне дома, например в школе или университете, причем компетенция в языке, приобретенная подобным «внесемейным» образом, будет оцениваться как свободное знание языка, дающее карьерное или социальное преимущество.

Р.: И он [сын] очень много знает песен на калмыцком, в результате чего он даже в Элисте подрабатывал этим, ведущим мероприятий, тамадой.

Инт.: Но он при этом как-то в школе выучил?

Р.: В школе. Но у него был прекрасный учитель. <...> И в итоге у меня сын стал призером, победителем олимпиад по калмыцкому, стал лауреатом, премия. Благодаря, кстати, [имя учителя]. Стал исполнять эпос «Жаңһр». Победители конкурсов джангарчи (ж., 1958 г.р., Ики-Бурул, зап. Н. Стойнова, 2018).

Изучение калмыцкого свойственно не только ученикам или молодым родителям, но и старшему поколению.

Р.: Но недавно у меня супруг — он человек, который любит самообразованием заниматься. И вот он уже в статусе дедушки мне говорит, уже дважды дед, и говорит, *хал'тэг келändэ кергтэ* [калмыцкий язык надо. — В.Б.]. И вот он начинает с азов, и вот мы вдвоем сидим, и вот он ломает свой язык, читает, заучивает, и в принципе неплохо у него и получается.

Инт.: Прямо совсем с нуля?

Р.: Нет, конечно. Вот как говорят — он понимает, но ответить не всегда мог. А теперь он старается это все, над произношением, несколько раз произносит, зеркало возле себя. <...> И он берет «Хальмг унн» [газета «Калмыцкая правда». — В.Б.] и просто начинает читать. <...> Заучивает йоряли, обращения... но получается, да (ж., 1966 г.р., Ики-Бурул, зап. Н. Стойнова, 2018 г.).

Примечательно, что в рассказе на равных выступают «естественный» источник информации по калмыцкому (владеющая языком жена) и опубликованные в газете материалы.

Признанию в качестве носителей языка тех, кто выучил его во взрослом возрасте или «неестественным» путем, способствует история калмыков и восстановление коммуникации в конце 1950-х — 1960-е гг. после частичной утраты языка во время депортации в Сибирь. Рожденные в Сибири, особенно те, кто лишился родителей и воспитывался в детском доме, вспоминали, что учили калмыцкий самостоятельно уже взрослыми [Baranova 2009]. Их позднее улучшение знания языка или переход от пассивной компетенции к использованию калмыцкого происходили не только в семье.

У меня, например, дядька, не зная калмыцкого абсолютно, сам овладел им в достаточно литературной форме. После школы, в институте. Когда он был маленький, вокруг говорили по-калмыцки, мои дед с бабкой. Но он сам выучился, может быть, это как фундамент, пассивное знание (м., род. в конце 1950-х гг., рассказывает об изучении языка в 1970-е гг.).

Приведенные примеры, разумеется, не претендуют на полноту и не позволяют сделать выводы о соотношении разных источников знания языка, однако свидетельствуют о том, что семейная коммуникация не является в глазах носителей единственным источником калмыцкого языка. Говорить с детьми и вообще активно формировать в семье калмыкоязычное окружение старшему поколению не свойственно, но индивид, освоивший калмыцкий тем или иным образом, воспринимается в целом положительно, а «неаутентичные» источники языка — как допустимые. В то же время, обсуждая язык молодых новых говорящих или представителей старшего поколения с неполной компетенцией, респонденты обращают

внимание на произношение и часто оценивают его достаточно критично.

Важно подчеркнуть, что между разными способами усвоения языка или повышения компетенции нет непреодолимого барьера в условиях, когда новый говорящий находится в языковой среде: использование печатных материалов совмещается с обращением к хорошо владеющему языком носителю в семье, изучение калмыцкого языка в школе происходит в калмыцкой языковой среде, пассивная компетенция в детстве помогает освоить язык во взрослом возрасте.

Заключение

Анализируя появление новых носителей гэльского в городах Шотландии (Глазго, Эдинбург), Маклеод и О'Рурк обращаются, в частности, к понятию аутентичности и оценке смешанного кода [McLeod, O'Rourke 2015: 153]. Для калмыцкого это также существенные аспекты возрождения языка.

Как показывают лингвистические биографии, калмыцкий язык может быть освоен и с помощью «неаутентичных» источников (обучения в школе и вузе или письменных источников, в том числе СМИ), и новые формы изучения языка, такие как курсы для взрослых или материалы в интернете, включаются в этот ряд несемейной языковой трансмиссии. Граница между «традиционными» и новыми способами освоения языка достаточно проницаема: новые говорящие разных возрастов обращаются к разным источникам, онлайн-проект по ревитализации служит толчком для начала коммуникации на калмыцком с родителями или маленькими детьми. Эти источники признаются легитимными в сообществе, хотя во время овладения языком окружающие обращают внимание на особенности компетенции, прежде всего произношения.

Хорошо владеющие языком калмыки или эксперты-калмыковеды оценивают смешанный код, часто используемый в интернете, как языковую игру или *балдырский* язык молодежи. Однако для многих новых говорящих этот языковой вариант, несмотря на комическую установку, выступает как источник изучения калмыцкого языка и образец красивой (уместной и современной) калмыцкой речи, которую они могут воспроизвести и использовать в собственной речевой практике. Новые говорящие слышат и принимают во внимание оценки их речи «традиционными» носителями языка, однако для некоторых из них важнее оказывается позиция, давшая название этой статье: «Какая речь может идти об акценте, если речь идет о сохранении языка?»

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования 20-01-073 «Многоязычие и миноритарные языки РФ в контексте языковой политики на микроуровне: языковой активизм онлайн и офлайн» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. Я благодарю Н.М. Стойнову за возможность использовать ее интервью в Ики-Бурульском районе, моих респондентов, а также анонимного рецензента журнала.

Источники

Terbish B., Churyumova E. Bulgun Mankirova, Sanal Badmaev, A Kalmyk Language Club in Moscow [Video file] // Kalmyk Cultural Heritage Documentation Project, University of Cambridge, 2018. doi: 10.17863/CAM.23810. <<https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/276511>>.

Библиография

- Алексеев Ф.Г.* Ногайские идиомы Нижнего Поволжья: социолингвистическое положение и перспективы сохранения // Междунар. конф. «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира»: Тез. докл. М.: Ин-т языкознания РАН, 2019. С. 88–89.
- Баранова В.В.* Переключение кодов и заимствования как чужая речь: маркирование русских элементов в калмыцком языке // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 7–17.
- Харитонов В.С.* Опыт оживления нанайского языка // Междунар. конф. «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира»: Тез. докл. М.: Ин-т языкознания РАН, 2019. С. 206.
- Хилханова Э.В.* Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. Т. 11. № 4. С. 967–988. doi: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988.
- Alòs i Font H.* Russian, Chuvash and English: Minority-Language Activism, Tourism Promotion and the Evolution of Municipal Advertisements in Shupashkar / Cheboksary (2015–2018) // Nikunlassi A., Protassova E. (eds.). Russian Language in the Multilingual World. Helsinki: University of Helsinki Press, 2019. P. 68–86. (Slavica Helsingiensia. Vol. 52).
- Baranova V.* Deportation and Language Identity in Kalmykia // Elnazarov H., Ostler N. (eds.). Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference. Bath: Foundation for Endangered Languages, 2009. P. 67–71.
- Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics // Theoretical Linguistics. 2013. Vol. 39. No. 3–4. P. 129–181. doi: 10.1515/tl-2013-0009.
- Cru J.* Language Revitalisation from the Ground Up: Promoting Yucatec Maya on Facebook // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2015. Vol. 36. No. 3. P. 284–296. doi: 10.1080/01434632.2014.921184.
- Dorian N.C.* Purism vs. Compromise in Language Revitalization and Language Revival // Language in Society. 1994. Vol. 23. No. 4. P. 479–494. doi: 10.1017/S0047404500018169.

- Gladkova A.* Linguistic and Cultural Diversity in Russian Cyberspace: Examining Four Ethnic Groups Online // *Journal of Multicultural Discourses*. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 49–66. doi: 10.1080/17447143.2015.1011657.
- Kozinets R.V.* Netnography: Doing Ethnographic Research Online. L.: Sage, 2010. VII+221 p.
- McLeod W., O'Rourke B.* “New Speakers” of Gaelic: Perceptions of Linguistic Authenticity and Appropriateness // *Applied Linguistics Review*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 151–172. doi: 10.1515/applirev-2015-0008.
- Moriarty M.* Globalizing Language Policy and Planning: An Irish Language Perspective. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. XI+151 p. doi: 10.1057/9781137005618.
- O'Rourke B., Nandi A.* New Speaker Parents as Grassroots Policy Makers in Contemporary Galicia: Ideologies, Management and Practices // *Language Policy*. 2019. No. 18. P. 493–511. doi: 10.1007/s10993-018-9498-y.
- O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F.* New Speakers of Minority Languages: The Challenging Opportunity — Foreword // *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. No. 231. P. 1–20. doi: 10.1515/ijsl-2014-0029.
- Pischlöger C.* Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // *Toivanen R., Saarikivi J. (eds.). Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol: Multilingual Matters, 2016. P. 108–132. (Linguistic Diversity and Language Rights. Vol. 14). doi: 10.21832/9781783096060-006.
- Smith-Christmas C., Ó Murchadha N.P., Hornsby M., Moriarty M.* New Speakers, Familiar Concepts? // *Smith-Christmas C., Ó Murchadha N.P., Hornsby M., Moriarty M. (eds.). New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–22. doi: 10.1057/978-1-137-57558-6_1.
- Urla J.* Reclaiming Basque: Language, Nation, and Cultural Activism. Reno; Las Vegas: University of Nevada Press, 2012. 318 p.

“How Can We Even Talk about Accents When It Comes to Preserving a Language?”: Attitudes towards Partial Linguistic Competence

Vlada V. Baranova

National Research University Higher School of Economics
16 Soyuzna Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
vbaranova@hse.ru

The paper focuses on discussions of partial linguistic competence and on sources of language knowledge among both Kalmyk language activists and the community of native speakers. Recent revivalist

initiatives lead to the emergence of “new speakers” of minority languages whose language command is widely discussed within the community. The native speakers of a minority language may create some barriers for new speakers and evaluate their way of speaking as an inauthentic, “wrong” code. The paper deals with different sources of competence in Kalmyk: projects for teaching and learning Kalmyk, attempts to popularize it and the ethnic culture, and online communities for mothers who make the conscious decision to adopt native language practices with their children. These new sources of non-traditional knowledge are compared with other modes of language acquisition. The paper aims to analyze attitudes to a language by “new speakers”. From this point of view, the Kalmyk-speaking community displays ambiguous attitudes: there are negative attitudes toward the accents of new speakers, as well as toward the linguistic competence of the younger generation in a family. That said, there exist strongly positive evaluations of different activist initiatives, including treating the instances of mixed language as a kind of humor. The data shows that there is no strong demarcation between language acquisition in the family and other ways of learning Kalmyk.

Keywords: revitalization, language shift, online activism, “new speakers”, accent, Kalmyk.

Acknowledgments

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2020–2021 (grant no. 20-01-073). I would like to express my deep gratitude to Natalia Stoynova for the opportunity to include her interviews from Iki-Burul district, as well as all my respondents and the journal’s anonymous reviewer and editors.

References

- Alekseev F. G., ‘Nogayskie idiomy Nizhnego Povolzhya: sotsiolingvisticheskoe polozhenie i perspektivy sokhraneniya’ [Nogai Varieties of the Lower Volga: The Sociolinguistic Situation and Prospects for Preservation], *Mezhdunarodnaya konferentsiya “Lingvisticheskiy forum 2019: korennyye yazyki Rossii i mira”* [International Conference “Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond”]: Abstracts. Moscow: Institute of Linguistics RAS Press, 2019, pp. 88–89. (In Russian).
- Alòs i Font H., ‘Russian, Chuvash and English: Minority-Language Activism, Tourism Promotion and the Evolution of Municipal Advertisements in Shupashkar / Cheboksary (2015–2018)’, Nikunlassi A., Protassova E. (eds.), *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki Press, 2019, pp. 68–86. (Slavica Helsingiensia, vol. 52).
- Baranova V., ‘Deportation and Language Identity in Kalmykia’, Elnazarov H., Ostler N. (eds.), *Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference*. Bath: Foundation for Endangered Languages, 2009, pp. 67–71.

- Baranova V., 'Pereklyuchenie kodov i zaimstvovaniya kak chuzhaya rech: marki- rovanie russkikh elementov v kalmyskom yazyke' [Code-Switching and Borrowings as a Reported Speech: Marking of the Russian Elements in Kalmyk], *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2015, no. 3 (18), pp. 7–17. (In Russian).
- Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M., 'Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics', *Theoretical Linguistics*, 2013, vol. 39, no. 3–4, pp. 129–181. doi: 10.1515/tl-2013-0009.
- Cru J., 'Language Revitalisation from the Ground Up: Promoting Yucatec Maya on Facebook', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2015, vol. 36, no. 3, pp. 284–296. doi: 10.1080/01434632.2014.921184.
- Dorian N. C., 'Purism vs. Compromise in Language Revitalization and Language Revival', *Language in Society*, 1994, vol. 23, no. 4, pp. 479–494. doi: 10.1017/S0047404500018169.
- Gladkova A., 'Linguistic and Cultural Diversity in Russian Cyberspace: Examining Four Ethnic Groups Online', *Journal of Multicultural Dis- courses*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 49–66. doi: 10.1080/17447143.2015.10 11657.
- Kharitonov V. S., 'Opyt ozhivleniya nanayskogo yazyka' [The Experience of Nanai Revitalization], *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Lingvisticheskiy forum 2019: korennye yazyki Rossii i mira"* [International Conference "Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond"]: Abstracts. Moscow: Institute of Linguistics RAS Press, 2019, p. 206. (In Russian).
- Khilkhanova E. V., 'Internet i minoritarnye yazyki Rossii: simvolicheskoe pri- sutstvie ili instrument revitalizatsii? (na primere buryatskogo yazyka)' [The Internet and Minority Languages of Russia: Symbolic Presence or a Revitalization Tool? (A Case Study of the Buryat Language)], *Mongolo- vedenie*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 967–988. doi: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988. (In Russian).
- Kozinets R. V., *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London: Sage, 2010, VII+221 pp.
- McLeod W., O'Rourke B., "'New Speakers" of Gaelic: Perceptions of Linguistic Authenticity and Appropriateness', *Applied Linguistics Review*, 2015, vol. 6, no. 2, pp. 151–172. doi: 10.1515/applirev-2015-0008.
- Moriarty M., *Globalizing Language Policy and Planning: An Irish Language Perspective*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015, XI+151 pp. doi: 10.1057/9781137005618.
- O'Rourke B., Nandi A., 'New Speaker Parents as Grassroots Policy Makers in Contemporary Galicia: Ideologies, Management and Practices', *Language Policy*, 2019, no. 18, pp. 493–511. doi: 10.1007/s10993-018-9498-y.
- O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F., 'New Speakers of Minority Languages: The Challenging Opportunity — Foreword', *International Journal of the Sociology of Language*, 2015, no. 231, pp. 1–20. doi: 10.1515/ijsl-2014-0029.
- Pischlöger C., 'Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case', Toivanen R., Saarikivi J. (eds.), *Linguistic Genocide or Super- diversity? New and Old Language Diversities*. Bristol: Multilingual

Matters, 2016, pp. 108–132. (Linguistic Diversity and Language Rights, vol. 14). doi: 10.21832/9781783096060-006.

Smith-Christmas C., Ó Murchadha N. P., Hornsby M., Moriarty M., 'New Speakers, Familiar Concepts?', Smith-Christmas C., Ó Murchadha N. P., Hornsby M., Moriarty M. (eds.), *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 1–22. doi: 10.1057/978-1-137-57558-6_1.

Urla J., *Reclaiming Basque: Language, Nation, and Cultural Activism*. Reno; Las Vegas: University of Nevada Press, 2012, 318 pp.